

толкнет украинских деятелей культуры к переводу всего наследия писателя. Ведь издание сочинений Ф. Достоевского в украинских переводах становится крайне необходимым. Ведь еще Иван Франко не случайно назвал Федора Достоевского «наигениальнейшим писателем» в русской литературе.

Мне хочется завершить рецензию мыслью о том, что есть еще одна важная функция рецензируемой монографии. Она состоит в том, что каждый реципиент, прочитав какое-либо произведение писателя, может обратиться к его поэтическому анализу и интерпретации, проведенным здесь и, таким образом, окунуться в мир неповторимой манеры Ф. Достоевского, художественного мира, психологических глубин души человека, проникнуть в структурное единство формы и смысла художественно совершенного текста.

К.В. БАГРАТИОН-МУХРАНСКАЯ
(Киев)

**ОТКЛИК НА МОНОГРАФИЮ И.А. МАНКЕВИЧ
«ПОЭТИКА ОБЫКНОВЕННОГО:
ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ»
(СПб.: Алетейя, 2011)**

История русской литературы XX века и жизнеописание ее гениев выглядит иногда излишне идеологизированной, так как в ее основу, чаще всего, кладется борьба теорий и политических доктрин. Поэтому особенно продуктивной и интересной становится попытка отойти от традиционной системы отечественного гуманитарного знания благодаря попытке рассмотрения творчества литературного гения сквозь призму феномена “повседневность”. Переключение внимания на предметы, ранее считавшиеся второстепенными (костюм, еда, застолье, ароматы и запахи, тело, мир чувств, частная жизнь), разрушают «прокрустовые рамки» соцреализма, позволяют ощутить всю многогранность давно прошедших эпох.

Монография И.А. Манкевич «Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации» посвящена проблемам функционирования

повседневной литературной и внелитературной реальностей в пространстве социальных коммуникаций. Взаимодействуя, они порождают новые культурные формы в повседневной жизни и литературе. В качестве ключевых объектов повседневности избраны именно те, которые наполняют ближайшую среду обитания «обычного человека». Исследовательница, безусловно, использовала богатую документальную базу: публицистику, художественную критику, исторические исследования различных реалий, очерки, эссе, кулинарные издания, письма, мемуары, дневники и тексты русской классической литературы, в том числе, произведения А.С. Пушкина и А.П. Чехова. Эти источники, которые были пропущены через сознание и менталитет современного человека, помогли воссоздать «трехмерную» картину России XIX – начала XX века. «Реставрация» подлинной жизни общества, отказ от единичных трактовок, любовь к человеку как таковому, без примесей оценочных «категорий-клише» отличает эту монографию от многих похожих исследований. Для автора не столь важны статистические данные и причинно-следственные связи. Она пытается воссоздать дух исследуемой эпохи, ее жизнь и дыхание, понять и исследовать те процессы, которые лежат в основании любого исторического явления.

Монография состоит из трех частей. Первая часть («Повседневность-литература-повседневность: поэтика взаимодействия семантических пространств») раскрывает теоретические аспекты исследования повседневной культуры как информационно-коммуникационной системы. Значительное внимание уделяется морфологии текстов повседневной культуры, литературного текста как источника ценной информации о повседневной жизни.

Вторая часть («Костюм и застолье в пространстве повседневных и литературных коммуникаций») обращает внимание читателя на «костюмные» тексты, их детальное описание в русской классической литературе, на то, что одежда – социальный знак и символ престижа. Автор также детально раскрыл тему поэтики застолья и застольной коммуникации. Ведь в традиционной культуре русских среди прочих предметов быта стол занимал особое место. Как и угол, он являлся своеобразным ритуально-обрядовым, сакрально-магическим и морально-этическим центром семейно-родового мироздания, воплощением благосостояния (богатый

стол – символ состоятельности хозяев) и духовности семьи (за стол не садились, не помолившись и не перекрестившись), символизировал ее единство и перспективу благодатного продолжения рода. Исключительно высокий социальный и культурный статус сформировал вокруг его безграничное количество самых разных по характеру предписаний и строгих регламентаций.

Третья часть («Поэтика обыкновенного в житнетворчестве русского Гения») разработана особенно тщательно, состоит из трех глав и посвящена творчеству А.С. Пушкина и А.П. Чехова. Здесь действует принцип тождества, возможности линейного, постепенного воссоздания индивидуального существования. Автор мастерски показывает нам, как проходя через систему многочисленных «отражений» писатель проецирует собственный опыт на жизни персонажей литературных произведений, их быт и мировосприятие.

Изучение повседневной среды обитания человека представляет собой сложное взаимодействие культурных пластов, которые, в свою очередь, находят отражение в повседневной культуре. Сам автор отмечает, что в ее монографии структура повседневной культуры представлена в виде перечня категорий информационно-коммуникационного подхода, адаптированных к специфике ее предметной области (коммуникационное пространство/время повседневности, субъекты повседневных коммуникаций, повседневные коммуникационные потребности, повседневная коммуникационная культура, повседневная коммуникационная деятельность, культурная память).

Актуальность монографии не вызывает сомнения: ее тема и движение исследовательской мысли совпадают с рядом важных задач, которые ставят перед собой современные науки о литературе.